

залось рискованнымъ пустить меня вдвоемъ съ шаманомъ, которому онъ, не смотря на видимую прирученность, все-таки не довѣрялъ. Онъ далъ ему корку хлѣба для сорбѣ, и отвѣда меня въ сторону, таинственнымъ шопотомъ заговорилъ:

— Вамъ благородіе! вамъ въ руки кладъ пришелъ. Вѣдь насъ никто не накроетъ, такъ позвольте мнѣ съ дикимъ шаманомъ по-своему поговорить. Онъ, шельма, многое знаетъ. Коли его попытать маленько, онъ вамъ такую розсыпь укажетъ, что во всей округѣ такой никому не найти.

— Какъ попытать?—удивился я.

— Да разнымъ манеромъ попробовать можно. На-перво я ему подъ ногти занозы подпущу, а не пройметъ, пятки подпалю. Мнѣ говорили, что какъ сильно прохватить, то передъ самымъ смертнымъ часомъ и то говорить будешь!

— Съ ума ты сошелъ?

— Оборони Богъ! да нешто это человѣкъ? мразь одна. Первое дѣло—идольщикъ, а второе—онъ вѣдь духу злему молится. Его шайтанъ—по-нашему чортъ. Значить, мы какъ бы самого чорта пощупаемъ.

— Ну, это оставь. Я тебѣ человѣка пытать не дамъ.

— Воля ваша, а только вы богатѣющій случай изъ рукъ выпускаете. Его сколько разовъ ловили, ни разу пытать не удалось, а тутъ самъ въ руки дался. Кабы онъ только могъ—навѣрняка бы и вась, и меня изъ-за угла камнемъ пришибъ.

Я умолчалъ о томъ, что шаманъ уже пробовалъ меня пришибить, и успокоивъ расхोдившагося Степана (замѣчу при этомъ, честнаго и трезваго рабочаго), отдалъ ему ружье, взялъ револьверъ и пошелъ за шаманомъ, который повелъ меня еще новой тропкой. Мы обогнули гору, съ восточной, еще не осмотрѣнной стороны. Тутъ гора шла тоже крутымъ обрывомъ безъ малѣйшей растительности, и только въ расщелинахъ виднѣлся какой-то мохнатый и густой мохъ. Шаманъ сорвалъ пригоршню и сунулъ мнѣ подъ самый носъ.

— Нюхай—лекарка!—сказалъ онъ.

— Отъ чего лекарство?

— Знаешь когда такъ,—и онъ началъ каплять,—пулужь вода. Кипи! много кипи, холодна пей. Много пей—все прошло.

Мы обогнули гору и скоро взошли хотя по крутой, но удобной для входа тропинкѣ, на которой мѣстами были сложены охапки вѣтокъ и сучьевъ, видимо припасенныхъ нарочно. Шаманъ подхватывалъ по дорогѣ эти охапки и скоро превратился въ кучу двигавшагося валежника. Ноша была бы въ пору здоровому ра-